

Предошущение спектакля

Карина Дымонт: «На сцене я, конечно, хулиганка»

Беседовал
Александр Левинтов

Театр на Юго-Западе утром. Хотя почти вся труппа в сборе, отсутствие зрителей делает его пустым. Каждое утро в театре — немного понедельник: по-видимому, все актеры по природе своей и профессионально ох какие не ранние пташки. В сизом от сигаретного дыма сумраке кафе неясными тенями — группки за столиками: пьют кофе, курят, читают, болтают, порой взрываются в смехе, перекидываются в картишки.

Мы сидим за самым дальним столиком, в углу. С Геллой из «Мастера и Маргариты» — Кариной Дымонт, и это настоящее имя, а не театральный псевдоним. В баре вместо куска мяса на шпажке подают растворимый кофе — теперь весь мир глотает эту гранулированную гадость: глобализация безвкусица. Так нам всем и надо. Кабы не очаровательное создание напротив, я чувствовал бы себя слегка оплеванным судьбой.

— Когда вы почувствовали себя актрисой? В каком возрасте?

— Наверно, как все дети, когда их ставят на стул и говорят: «Давай!» На самом деле у меня дедушка был очень артистической личностью, хотя был он коммунистическим управленцем. У нас в семье было домашнее радио «Теремок»: «А теперь выступает наша внучка Кариша...» — и все это записывалось на катушечный магнитофон, и я ангельским голосом: «Радицали ябони и гуши, папыли туани над рекой». (Последнее слово она произносит с резким ударением и по-взрослому быстро, четко, что нарушает тон детского лепета.) Ну а потом... как только я попала в какую-то детскую больницу, я сразу захотела быть хирургом. На самом деле я с детства хотела стать актрисой. В школе был театральный кружок... потом как-то все само собой и покатилося.

— Судакова, ваш руководитель в ГИТИСе, и Белякович в театре — они совместили или вам пришлось ломать себя?

— Да нет, для меня они — разные безусловные куски, но одного и того же отношения к делу. Они очень разные. Ирина Ильинична для

Она провоцирует!

меня — человек Серебряного века. Она — дочь известного режиссера Ильи Судакова и великой актрисы Екатерины Еланской, которая работала со Станиславским, Немировичем. Сама Ирина Ильинична выросла как бы из тех времен. Валерий Романович для меня — человек нынешнего века, но вобравший многое из того, из прошлого... он — человек Возрождения. Он безумно много читает, безумно много знает (последнее слово растянуто, демонстрируя скуку этого занятия), безумно много видит, выпитывает. Поэтому они разные, может быть, по ритмам, но это все (с усмешкой) в одном горшочке варилось. Валерий Романович — ученик Ирины Ильиничны. И поэтому — такая преемственность. Мы все из одной семьи.

— Для меня долгое время, пожалуй, до сих пор, «Юго-Запад» — это Виктор Авилов и Валерий Белякович. Вам они кто?

— С Витей... с Виктором Васильевичем сложно, потому что, когда человека не стало, ты начинаешь понимать, что чего-то не договорил, что-то не взял, что-то недосказал. Задумываясь об учителях в жизни — у меня было много учителей, людей, которых я считаю своими учителями, — скажу, что они оба для меня стоят в этом ряду. Валерий Романович для меня — половина моей судьбы. Благодаря его приглашению в театр моя судьба сложилась так, а не иначе. Я не то что страшусь, я

просто не могу себе представить, как сложилась бы моя судьба, если бы я не оказалась здесь. Благодаря тем ролям, которые он мне доверял, благодаря тому времени, которое он на меня тратил. Силам, нервам, ласкам, словам... Оба, конечно, учителя для меня.

— Я видел вас в «Мастере и Маргарите». Авилов играл Воланда, вы — Геллу. Оба великолепны. Величественно великолепны, но... мне показалось, что между вами нет контакта. Вы как-то слишком оба самодостаточны.

— Может быть, это мое упущение. На самом деле сейчас, по прошествии времени, я свою Геллу ощущаю как бы чуть-чуть по-другому.

— Фокус в варьете — это ваше изобретение?

— Нет. Это Валерий Романович придумал для меня (хохочет).

— Один мой приятель из Нью-Йорка, когда увидел этот спектакль, сочинил такую эпиграмму:

*Слабо ль, Фагот
и Азазелло,
Исполнить классный
фокус Геллы?*

Возвращаясь к отношениям Воланда и Геллы... Гелла — она идеальная... даже не служанка... а тень и подруга, которую не видно, но, когда нужно, она всегда есть. Я ее так ощущаю. И эта связь между Воландом и Геллой не так видна. И Воланду она не так сильно необходима: он в основном оперирует другими персонажами своей свиты — может, из-за этого из зала незаметно их взаимодействие?

— Вы уже тринадцатый год в театре. Что для вас сокровенного в нем?

— Семья. Семья... Дом... Когда я утром бегу в театр, я думаю: «Сейчас прибегу, у

Гелла — она идеальная... даже не служанка... а тень и подруга, которую не видно, но, когда нужно, она всегда есть.

Фокус Геллы завершал дурацкие и идиотские фокусы Азазелло, Коровьева, Бегемота. Она же вышла на авансцену и распахнулась — нагло, победно и с открытым презрением к публике: к дамам, не имеющим такого тела, и к их кавалам, для которых оно недоступно.

— Этого у Булгакова нет, но фокус замечательный!

— Это характерно для учителей, которые живут школой как своим домом. Моя мама была учительницей, воспитателем в детском доме. Вот типичный анекдот из маминой биографии: утром, по дороге на работу, пытается ключом открыть переднюю дверь троллейбуса, входит в салон, где, разумеется, полно народу, и хорошо поставленным голосом: «Здравствуйте! Садитесь!»

— (Смеется.) Ну, примерно такая же история с ключами от дома и со мной.

— На сцене вы — сама раскрепощенность, абсолютно свободный человек. А в жизни?

— В жизни, я думаю, все артисты — закрепощенные, закомплексованные, стеснительные, сомневающиеся в себе люди. Я думаю, именно это движет людьми, идущими в актерскую профессию. Но это мое мнение... В какой-то мере отношу это и к себе. В жизни, например, я не чувствую себя такой красавицей, как на сцене. «На сцене, — говорит одна из моих героинь Нина Заречная, — я себя чувствую прекрасной». Я действительно прекрасно чувствую себя на сцене. А в жизни... может, это и неправильно... а в жизни — это всегда подготовка к тому, что я выйду на сцену. Сцена занимает все большую и большую часть жизни. Утро, день, встречи — все это к тому, чтобы прийти в театр и здесь что-нибудь делать.

— А на сцене кем вы себя ощущаете: звездой или хулиганкой?

— Хулиганкой! Конечно хулиганкой! (Смеется.) Быть хулиганкой предполагает провокацию зала, провокацию самого себя, партнеров.

— Ваша жизнь вне театра — она контрастна театру или его продолжение?

— Ну, я уже говорила об этом: может быть, и к сожалению, но на самом деле моя жизнь так сложилась, что я, Карина, все время ее ощущаю как подготовку к театру. Я все время думаю о том, что вот приду в театр и буду в нем работать. От этого зависит куча мелочей: во сколько я проснусь, с кем буду разговаривать по телефону, куда я могу пойти, а куда — не могу, потому что сегодня спектакль. Конечно, с одной стороны, я лишаю себя чего-то, с другой стороны (безнадежно) — ну, как-то так сложилось. Поэтому жизнь — не то чтобы контрастна, но это для меня — как одно целое. Постоянное предошущение спектакля.